

Матиас Уль

Из побежденных в победителей истории –
«День освобождения немецкого народа
от гитлеризма» в историографии ГДР
и исторической пропаганде СЕПГ

Оккупация Германии войсками союзников покончила с войной. Она не была непосредственным актом освобождения от национал-социалистической диктатуры, но соответствовала принципам войны и международного договорного права.¹ Когда в начале июля 1945 г. советские войска продвинулись в районы к западу от Эльбы, оставленные американцами и англичанами, их в городах и общинах впервые на немецкой земле КПГ официально приветствовала как «освободителей». В Лейпциге немецкие коммунисты встречали вступавшие части Красной Армии с такими, например, транспарантами: «Красный Лейпциг приветствует Красную Армию» или «Да здравствует Советская Саксония, будущая советская республика». Жители Эрфурта «требовали» даже «объединения с Советским Союзом».²

До этого момента Германию и ее население советские солдаты воспринимали, говоря образно, как пещеру хищника, «логово зверя». Под «логовом» солдаты и офицеры Красной Армии подразумевали немецкую территорию, под «зверем» – национал-социалистическую Германию в качестве противника и жестокого врага. Этот выбор слов восходил к традиционному русскому стереотипу образа врага, наделявшему его свойствами дикого животного. Если советская пропаганда уже с 1941 г. эффективно использовала этот образ для борьбы против немецких агрессоров, то после успешного освобождения собственной тер-

¹ См. *Фойтцик Я.* Методы и результаты политики культурной переориентации в оккупационной зоне в Германии. // Политика СВАГ в области культуры, науки и образования: цели, методы, результаты. 1945–1949 гг. Сборник документов. / Под общ. ред. Х. Мёллера и А. О. Чубарьяна. Отв. ред. и сост.: Н. П. Тимофеева и Я. Фойтцик. М. 2006. С. 50–82, С. 51.

² См.: Memorandum des Stellvertreters des Obersten Chefs der SMAD für Zivilangelegenheiten I. Serov für L. Berija über die Lage in Thüringen und Sachsen nach dem Abzug der US-Truppen // Sowjetische Politik in der SBZ 1945–1949. Dokumente zur Tätigkeit der Propagandaverwaltung (Informationsverwaltung) der SMAD unter Sergej Tjulpanow / Hrsg. v. B. Bonwetsch, G. Bordjugov, N. M. Naimark. Bonn, 1998, S. 12.

ритории его компоненты были дополнены призывом уничтожать врага на его земле.³

Под впечатлением бесчисленных военных преступлений немцев на территории Советского Союза и пропаганды ненависти, которая проводилась среди солдат Красной Армии, большинство из них считало предстоявшее в конце 1944 – начале 1945 г. вступление в Германию не актом освобождения, а возможностью личного отмщения. Вот как выражали свои настроения в октябре 1944 г. солдаты и офицеры 279-го стрелкового полка: «Эй ты, немец! Скотина! Тебе не уйти от возмездия! Мы пришли в Германию, в твоё логово. Мы помним всё, ты за всё заплатишь своей кровью. После этой войны немцы будут тысячи лет помнить о русских. Мы выполним волю Сталина, волю всех народов. В бой!»⁴ Однако очень скоро нападения на мирных жителей достигли почти не контролируемого уровня и грозили помешать как наступательным действиям Красной Армии, так и будущей оккупационной политике. С помощью многочисленных приказов, отчасти драконовских, командование пыталось сдерживать мародерство, грабежи, издевательства и изнасилования, но эти меры оказывали лишь ограниченное воздействие на подразделения Красной Армии.⁵

Только в апреле 1945 г. постепенно произошло изменение официального отношения советских военных к Германии. По словам историка Нормана Наймарка, «от истребительной войны против немцев их интерес сместился к стремлению установить диалог с антифашистами и другими прогрессивными элементами немецкого общества».⁶ Тем не менее, главной задачей для советских вооруженных сил весной 1945 г. оставался разгром национал-социализма и победа над Германией. В отличие от стран Восточной Европы применительно к Германии поначалу не существовало официально пропагандировавшейся освободительной миссии.⁷ Целью всех усилий была лишь полная победа над ней. Поэтому и медаль, посвященная окончанию войны, которой после 9 мая 1945 г. были на-

³ См.: *Scherstjanoi E.* «Wir sind in der Höhle der Bestie»: Die Briefkommunikation von Rotarmisten mit der Heimat über ihre Erlebnisse in Deutschland // Rotarmisten schreiben aus Deutschland: Briefe von der Front (1945) und historische Analysen / Hrsg. v. E. Scherstjanoi. München, 2004, S. 194.

⁴ Bericht der Politischen Abteilung der 19. Armee für die Zeit vom 16.–25.10.1945. Цит. по: *Senjanskaja E. S.* Deutschland und die Deutschen in den Augen sowjetischer Soldaten und Offiziere des Großen Vaterländischen Krieges // Rotarmisten schreiben aus Deutschland, S. 267. Недавние исследования писем, которые советские военнослужащие отправляли полевой почтой, и их дневников (речь идет о конце Второй мировой войны) отчетливо отражают эту позицию. См., например: *Gelfand W.* Deutschland-Tagebuch, 1945–1946: Aufzeichnungen eines Rotarmisten. Berlin, 2005.

⁵ См.: *Naimark N. M.* The Russians in Germany: a history of the Soviet Zone of occupation, 1945–1949. Cambridge, 1995. P. 69–83; *Arlt K.* «Nach Berlin!»: Der Kriegsverlauf an der Ostfront und seine Auswirkungen auf Motivationen und Stimmungen in der Roten Armee // Rotarmisten schreiben aus Deutschland, S. 243.

⁶ *Naimark N. M.* The Russians in Germany. P. 76.

⁷ См.: *Zeidler M.* Die Rote Armee auf deutschem Boden // Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 10/1: Der Zusammenbruch des Deutschen Reiches. Die militärische Niederwerfung der Wehrmacht / Im Auftrag des MGFA hrsg. v. R.-D. Müller. Stuttgart, 2008, S. 682–686.

граждены миллионы, называлась «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

8 мая как День освобождения при Ульбрихте

Напротив, для КПП «освобождение» должно было стать устойчивым мифом в рамках государственной самоидентификации, как ее понимал Ульбрихт, ибо основание ГДР и ее социалистическая трансформация представлялись временной кульминацией непрерывного восходящего движения, начало которому было положено «освобождением». Вальтер Ульбрихт и после 1945 г. придерживался определения фашизма, данного Коминтерном, и таким образом профилактически «освободил» ГДР как «прогрессивную альтернативу» в германской истории от наследия национал-социализма. В соответствии с этим коммунистическая эмиграция, коммунистическое Сопротивление и сокрушение национал-социализма советскими вооруженными силами (самое позднее с момента основания ГДР) воспринимались как определяющие исторические предпосылки создания «первого социалистического государства на немецкой земле».⁸

«Освобождение немецкого народа от гитлеровского фашизма Советским Союзом и его союзниками, – говорится в книге по истории ГДР, изданной в 1981 г. в Восточном Берлине, – открыло шанс исторического поворота и строительства демократического и прогрессивного миролюбивого германского государства».⁹ Констатация факта, что восточные немцы 8 мая 1945 г. были освобождены, до конца существования ГДР создавала важнейшую основу легитимации диктатуры СЕПГ. Режим мог извлекать моральную выгоду из тезиса об освобождении, ибо «сомневаться в вызывающем отвращение характере гитлеровского государства при взгляде на оставленные им горы трупов не приходилось».¹⁰ Национал-социализм был побежден прежде всего Советским Союзом, пожертвовавшим ради достижения этой цели более чем 27 млн. человеческих жизней. Тем самым СССР, согласно логике СЕПГ, принес жителям Восточной Германии свободу, необходимую для изменения политической системы. В то же время государство, созданное в советской оккупационной зоне, демонстративно отмежеввалось таким путем от Федеративной Республики, где бывшие функционеры НСДАП снова заняли важные позиции. Освобождение, совершенное Красной Армией, превратилось тем самым в основополагающий миф создания ГДР.

КПП уже с 1945 г. пыталась сделать понятие «освобождение» достоянием общественности. При этом ей оказывали поддержку бывшие борцы Сопротивления в рядах СДПГ, ХДС и ЛДПГ – Отто Гротеволь, Якоб Кайзер и Андреас

⁸ См.: Möller H. Geschichte im demokratischen Pluralismus und Marxismus-Leninismus// Geschichtswissenschaft in der DDR/Hrsg. v. A. Fischer, G. Heydemann. Bd. 1: Historische Entwicklung, Theoriediskussion und Geschichtsdidaktik. Berlin, 1988, S. 35.

⁹ Geschichte der Deutschen Demokratischen Republik/Hrsg. von R. Badstübner u. a. Berlin (Ost), 1981, S. 28.

¹⁰ Knabe H. Tag der Befreiung? Das Kriegsende in Ostdeutschland. Berlin, 2005, S. 19.

Хермес. Уже с 1945 г. они говорили об «освобождении», но советская цензура регулярно вычеркивала это понятие, проникнутое немецкой амбициозностью, из рукописей выступлений и газетных статей. На его место советские цензоры ставили сначала формулировку о «крахе антинародного режима агрессивной гитлеровской Германии».¹¹

Только основание ГДР сделало возможным смену парадигмы. Согласно решению Народной палаты ГДР от 21 апреля 1950 г., день 8 мая был провозглашен официальным праздником – *Днем освобождения*. В конечном счете, говорилось в тексте закона, «в этот день (...) начался новый период германской истории, в котором немецкий народ при содействии всех прогрессивных, антифашистско-демократических сил был направлен из бедствий и нищеты к жизни в условиях свободы, мира и благосостояния. (...) Поэтому 8 мая 1945 г. и 7 октября 1949 г. – поворотные пункты в нашей новой германской истории, значение которых является определяющим для дальнейшего развития немецкого народа и сохранения мира во всем мире».¹²

Когда же 11 мая 1950 г. генералиссимус Иосиф Сталин официально поздравил ЦК СЕПГ и премьер-министра ГДР Гротеволь с годовщиной «освобождения немецкого народа от тирании фашизма»¹³, то «отец народов» тем самым благословил *день освобождения* как официально закрепленный кульминационный пункт литургии, которая, по мнению историка Кристофа Классена, «должна была при помощи семантически созданного образа жертвы придать ауру святости и неприкосновенности светскому, едва способному получить поддержку большинства проекту коммунистического устройства Германии».¹⁴

Однако Советский Союз при этом не претендовал на роль «освободителя» немцев. В самом СССР оставался незыблемым постулат о «подавлении и разгроме фашистской Германии», сформулированный еще в 1945 г. Ни в одном крупном историографическом труде, посвященном Второй мировой войне, созданном в Советском Союзе, не говорилось об освобождении Германии. Красная Армия освобождала страны Восточной и Южной Европы, даже Австрию. Германия же, согласно советской историографии, была «побеждена» и «разгромлена» советскими войсками.¹⁵

¹¹ См.: *Foitzik J.* Sowjetische Hegemonie und Ostintegration der DDR//Vor dem Mauerbau: Politik und Gesellschaft in der DDR der fünfziger Jahre/Hrsg. v. D. Hoffmann, M. Schwartz, H. Wentker. München, 2003, S. 41.

¹² Gesetz über die Einführung der Feiertage «Tag der Befreiung» und «Tag der Republik», 21.4.1950//Gesetzblatt der DDR 1950. Nr. 46, S. 355.

¹³ Правда, 11 мая 1950.

¹⁴ *Classen Ch.* Vom Anfang im Ende: «Befreiung» im Rundfunk//Geschichte als Herrschaftsdiskurs: Der Umgang mit der Vergangenheit in der DDR/Hrsg. v. M. Sabrow. Köln u. a., 2000, S. 100.

¹⁵ См., например: Der zweite Weltkrieg. 1939–1945. Kurze Geschichte. Berlin, 1988, S. 627–681; Weltgeschichte in zehn Bänden/Hrsg. v. der Akademie der Wissenschaften der UdSSR. Bd. 10. Berlin, 1968, S. 388–493; Geschichte des Großen Vaterländischen Krieges der Sowjetunion. Bd. 5: Die siegreiche Beendigung des Krieges mit dem faschistischen Deutschland, die Niederlage des imperialistischen Japans. Berlin (Ost), 1967.

Выдвинутая немецкой стороной еще до 1949 г. идея освобождения поначалу возникла прежде всего из дискурса тех, кто подвергался преследованиям при национал-социализме, и была для этой группы в высшей степени убедительной. Таким образом, она отвечала стремлению меньшинства обосновать при помощи истории свои притязания на моральное и политическое руководство страной. Эти публично выдвинутые претензии на руководство были, однако, уже давно нацелены на реорганизацию Германии под коммунистическим эгидой. Вследствие этого обязательно требовалось сформировать и канонизировать историческую трактовку понятия «освобождение». Если поначалу речь шла об обосновании элитарного статуса меньшинства, то самое позднее с момента создания ГДР понятие «освобождения» служило конструированию идентичности в масштабах всего общества «благодаря тому, что дискурс преследовавшихся и борцов Сопротивления превратился в интегральную составную часть коммунистического дискурса господства и тем самым прекратил существование в качестве дискурса меньшинства».¹⁶

Самое позднее с 1950 г. 8 мая ежегодно праздновалось с большими затратами на пропаганду. Трудящиеся и дети целыми классами «совершали паломничества» к памятникам на советских военных кладбищах, выслушивали там речи партийных и государственных функционеров. Госучреждения, жилые дома, магазины, предприятия, административные здания украшались флагами и транспарантами, газеты отмечали *День освобождения* бесчисленными статьями. Уже с детского сада пропаганда вдалбливала в сознание граждан ГДР, что они должны быть благодарны советским солдатам за освобождение, в то время как вклад западных союзников в сокрушение национал-социализма в значительной степени затушевывался.¹⁷

К мифу «освобождения» равным образом относился и постулат, в соответствии с которым исторические факты, связанные с советской оккупацией Германии замалчивались, а ожесточенная борьба Советского Союза против национал-социализма прославлялась как героическая, самоотверженная и гуманистическая освободительная акция. На проблему насилий, которые совершали советские солдаты в ходе разрушения национал-социалистического государства вплоть до конца существования ГДР, было наложено строго охраняемое табу. Пропаганда СЕПГ и историческая наука ГДР были односторонне ориентированы на прославление «подвигов» Красной Армии по снабжению голодавшего немецкого населения и на гуманитарную помощь из СССР. Даже в учебниках для первых классов рассказывалось о том, как советские солдаты делились с немецкими детьми своим последним хлебом, как они отдавали немецким крестьянам армейских лошадей для проведения посевных работ, как на доставленных из Сталинграда тракторах, крестьяне, получившие землю в результате земельной реформы, пахали поля.¹⁸

¹⁶ *Classen Ch.* op.cit., S. 101.

¹⁷ См.: *Knabe H.* op.cit., S. 19.

¹⁸ См.: *Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung*. Berlin (Ost), 1966. Bd. 6, S. 18–23; *Geschichte der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands: Abriss*. Berlin (Ost), 1978, S. 72–82;

В последующие годы господства СЕПГ обозначилась тенденция лишить события освобождения конкретности. Ежегодно отмечавшиеся дни памяти являлись с их формальной привязкой к 8 мая 1945 г. некой проекцией не поддававшегося более точному определению антифашизма, который характеризовался с помощью таких неясных понятий, как «жертва», «борец» и «патриот», и апеллировал к проведению различий между войной и миром. Этот «расплывчатый антифашизм» представлял собой дискурсивный компромисс между государственной верхушкой и населением. Официальная культура воспоминаний в ГДР была сведена к стереотипам и штампам в обращении с национал-социалистическим прошлым, причины которого коренились в противоречии между индивидуальными воспоминаниями и интерпретациями, легитимирующими господство.

Одновременно этот процесс лишения конкретизации характеризовался смешением ориентира во времени из прошлого в настоящее и будущее. Так, *Neues Deutschland* к 20-й годовщине *Дня освобождения* вышла под заголовком: «Будущее принадлежит нам!» В то же время впервые в истории ГДР в Берлине состоялся совместный официальный военный парад частей Национальной народной армии ГДР и Группы советских войск в Германии.¹⁹ При этом солдаты проходили торжественным маршем перед лидером СЕПГ Вальтером Ульбрихтом и председателем Совета министров СССР Алексеем Косыгиным, а также другими высокопоставленными партийными и государственными деятелями, символизируя своего рода общую победу в классовой борьбе против Запада.

Смещение акцентов при Хонеккере

26 мая 1967 г. Народная палата ГДР, вводя 5-дневную рабочую неделю, без лишнего шума снова объявила *День освобождения* обычным рабочим днем.²⁰ Тем не менее и впредь каждый год до конца существования ГДР проводились официальные памятные мероприятия. Демонстрировавшийся при этом антифашизм формировал национальное представление ГДР о самой себе. Руководству СЕПГ удалось прочно внедрить в политическую повседневность антифашизм и освобождение в качестве мифов, положенных в основу создания государства. Тем не менее в силу специфических структурных условий развивалась одна господствовавшая культура воспоминаний, едва оставлявшая свободное пространство для других ее форм. В центре официальных воспоминаний были прежде всего коммунистическое Сопротивление и борьба за освобождение, которую вел Советский Союз. Антифашизм оказался в ГДР связанным со многими сферами повседневной культуры. Многочисленные школы, улицы и площади были названы именами борцов коммунистического Сопротивления или советских освободителей, по всей территории ГДР сооружались мемориалы, свидетельствова-

Heimatkunde. Zur fachlichen Vorbereitung auf den Unterricht Klassen 1 bis 4. Für die Hand des Lehrers. Berlin (Ost), 1978, S. 46–49; Lesebuch Klasse 3. Berlin (Ost), 1984, S. 59–61.

¹⁹ См.: Neues Deutschland vom 8. und 9. Mai 1965.

²⁰ См.: Gesetz zur Änderung gesetzlicher Bestimmungen, 26.4.1967 // Gesetzblatt der DDR (I), Nr. 9. S. 89; Neues Deutschland vom 5. Mai 1967.

шие об антифашистской борьбе и подвиге советских солдат при освобождении. В рамках акций памяти в связи с *Днем освобождения* граждане клялись не жалеть сил для преодоления прошлого. Вновь и вновь повторявшаяся заезженная фраза, что на земле ГДР «с корнем вырваны» фашизм, расовая и этническая ненависть, была призвана наглядно продемонстрировать этот радикальный разрыв с прошлым.

Важнейшее место в ходе этих акций занимали братские кладбища советских воинов, а также мемориалы и памятники жертвам фашизма. Памятные ансамбли, расположенные на больших площадях, были спроектированы с расчетом на массовые посещения: солдаты Национальной народной армии ГДР принимали здесь военную присягу, посетить памятное место являлось также обязательной частью ритуала гражданской конфирмации. Кроме того, мемориальные ансамбли были включены в число обязательных посещений многочисленными делегациями Союза свободной немецкой молодежи и рабочих коллективов. При этом памятные места, политически тесно связанные с системой, демонстрировали своей героической монументальной эстетикой победу социализма над фашизмом.

Важную роль антифашистское воспитание и тематика «8 мая – День освобождения от фашизма и войны» играли в системе образования. Согласно методическим указаниям, цель использования этих событий в учебном процессе заключалась в том, чтобы заложить у школьников на основе «исторических фактов (...) прочную базу знаний», сформировать «эмоциональное отношение школьников к освободительной миссии Советской Армии». Для этого учителям надлежало обладать «знаниями о самопожертвовании и героизме советских солдат при освобождении Германии от фашизма и о бескорыстной помощи советской державы нашим трудящимся в социалистическом строительстве». При этом обращение к собственному или индивидуальному историческому опыту было востребовано лишь постольку поскольку, напротив следовало использовать «избранные кадры» из серии диапозитивов R 938 «От трудного начала до основания нашей Республики».²¹ В сравнении с этим, вопросы, которые школьники могли задать дедушкам и бабушкам «о времени освобождения от фашизма и войны и после 1945 года», как утверждалось, имели бы мало смысла. Школьники могли бы «узнать при этом, конечно, кое-что интересное, но нет гарантии, что они соберут всю информацию, которая нужна учителю, чтобы выполнить требования соответствующих разделов учебного плана».²²

Таким образом формы воспоминания все явственнее подчинялись цели обретения коллективной якобы национальной идентичности. Антифашистские ритуалы слишком часто были отдалены от личных воспоминаний, а значит, от глубокого их осмысления, что способствовало снятию бремени с совести немцев Восточной Германии. Культ личности, мифотворчество и воинственный язык не оставляли места для действительного постижения истории, которое всегда требует серьезной конкретизации воспоминаний. Личный опыт, накопленный во

²¹ Heimatkunde – Methodische Beiträge. Berlin (Ost), 1984, S. 36–37.

²² Ibid., S. 14.

времена национал-социализма, вытеснялся, отодвигался в частную сферу и там оказывался вне контроля со стороны государства. Воспоминаниям об окончании войны, которых последовательно избегала историография ГДР, посвящали свои произведения отдельные писатели, в частности Вольфганг Бирман и Криста Вольф. Однако официальное обсуждение этой темы не поощрялось. К тому же советская цензура по-прежнему строго контролировала изданные в ГДР книги, которые планировалось опубликовать и в СССР. Цензоры из ЦК КПСС еще в 1982 г. пытались настоять на изъятии из русского перевода автобиографии лидера СЕПГ Хонеккера «Моя жизнь» даже, казалось бы, такое безобидное предложение, как «Красноармейцы арестовывали при этом всех лиц мужского пола в возрасте от 14 до 70 лет, независимо от того, были ли они в форме или в штатском»²³, относившееся к окончанию войны в Берлине в апреле 1945 г.²⁴

Тот факт, что насаждение пропагандистской исторической картины освобождения все же было успешным, объяснялся прежде всего тем, что восточным немцам это давало освобождение и от собственного прошлого. Граждане ГДР жили в государстве, которое определяло себя как «антифашистское» и основатели которого декларировали разрыв с национал-социализмом. Следовательно, никто в ГДР больше не должен был чувствовать себя ответственным за преступный национал-социалистический режим. Таким образом, в восточногерманском государстве постепенно распространилось представление о том, что нацисты находились только в Федеративной Республики, тогда как население Восточной Германии всегда стояло на стороне освободителей.

Таким способом «предписанный антифашизм» добился успехов, ибо ритуализация освобождения и поверхностный подход к нему увенчались отпущением грехов, которое государство дало собственным гражданам. Они же думали, что благодаря радикальному изменению общества сумеют избавиться от тягостного прошлого, к которому не хотели больше иметь никакого отношения. О том, насколько успешно способствовала вытеснению прошлого эта пропаганда с помощью истории, свидетельствует высказывание некой ученицы одной из средних школ ГДР. На вопрос, кто выиграл Вторую мировую войну, она без долгих размышлений ответила: «Советский Союз и ГДР».²⁵ Подобным образом, даже если идеологически в более сумбурной форме, эту мысль выразил патриарх исторической науки ГДР Иоахим Штрайзанд в своей «Истории Германии в одном томе»: «Пусть многие из них поначалу считали себя еще „побежденны-

²³ Honecker E. Aus meinem Leben. Berlin (Ost), 1980, S. 112.

²⁴ См.: Foitzik J. Sowjetische Militäradministration in Deutschland (SMAD): 1945–1949; Struktur und Funktion. Berlin, 1999, S. 75; Письмо директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в ЦК КПСС, 14.6.1982 // Источник. 1994. № 3. С. 89–90. Предложенное изъятие не состоялось. Об этом см.: Хонеккер Э. Из моей жизни. М., 1982. С. 104. Однако в других случаях Хонеккеру пришлось соглашаться с купюрами, которых требовали советские цензоры. Так произошло, например, с целым абзацем, посвященным Н. И. Бухарину (Ibid. С. 37).

²⁵ См.: Klein F. Aufarbeitung deutscher Vergangenheit – gemeinsame Aufgabe von Ost und West // Deutsche Vergangenheiten – eine gemeinsame Herausforderung; der schwierige Umgang mit der doppelten Nachkriegsgeschichte / Hrsg. von Ch. Klessmann, H.-J. Misselwitz, G. Wichert. Berlin, 1999, S. 57.

ми“, но поражение гитлеровского государства было как раз и их освобождением, и на это обстоятельство могла опереться партия рабочего класса, могла довести до их сознания, что их класс и добился в принципе решительной победы».²⁶

В заключение остается констатировать, что в то время, как в Федеративной Республике велись в конечном счете острые дебаты вокруг воспоминаний, в ГДР, и это бросается в глаза, такого рода дискуссий не было. Следовательно, наряду с расхожей концепцией антифашизма альтернативные предложения об обращении с прошлым утвердиться не могли. Все общественные дискурсы управлялись государством вплоть до конца его существования. Закоснелые политические структуры, контролируемые средства массовой информации, неучастие граждан в управлении на различных уровнях и политические репрессии против инакомыслящих – все это не способствовало формированию критически настроенной общественности, в чьей среде могли бы обсуждаться различные точки зрения, касающиеся осмысления национал-социализма в историческом контексте. В таких условиях не мог состояться и глубокий общественный дискурс о национал-социализме и Холокосте. Понятие «антифашизм по приказу» подразумевало стабильную пассивность большинства населения. Очевидно, что широкая собственная инициатива общества по осмыслению исторического прошлого никак не проявлялась. К тому же к концу существования ГДР антифашистская идейная концепция уже не была в состоянии привязывать граждан к государству. Напротив, все сильнее обнаруживались недостатки в предписанном антифашистском воспитании, прежде всего молодежи. Это факт, что в ГДР конца 80-х годов было более 800 зафиксированных неонацистов. Ретроспективный взгляд показывает, что в государстве СЕПГ у многих граждан антифашизм ассоциировался с отвергавшейся ими политической системой. Немалое число восточных немцев воспринимало ее односторонние и абстрактные ритуалы лишь как выполнение обязательной программы, предписанной государством. К тому же постоянное манипулирование этим понятием заставило их усомниться в искренности антифашистских позиций. Тем самым в ГДР была просто-напросто упущена возможность подлинного и воплощенного в жизнь антифашизма.

²⁶ Streisand J. Deutsche Geschichte in einem Band. Berlin (Ost), 1980, S. 224.